

Юбилей Максима Горького

25 сентября мы празднуем сорокалетие литературной деятельности Максима Горького. В такой стране, как Франция, где общество не блещет знанием иностранных писателей, где капитализм преграждает доступ революционной литературе, распространяя в миллионах экземпляров романы, темы которых — разлагающиеся «чистофранцузские» нравы, интерес к Горькому — явление исключительное. Сотни и сотни тысяч рабочих, представителей мелкой буржуазии, служащих и чиновников читают и любят Горького.

И какое разнообразие чувств у них вызывает! Мы восторгаемся им, писателем создавшим «На дне» и «Мать» (те, кто не читал его книг, видели его вещи в кино), ценим его простой, неприкрашенный язык и красочность его образов, чувствуем в нем предвестника 1905 года и выразителя неразрывной связи между первой революцией и пятилетним планом. Но прежде всего в глазах рабочих Горький является символом русского сознательного рабочего; в глазах буржуазии — интеллигентом из рабочих, оставшимся верным своему классу; в глазах всех — символ победы социализма в одной шестой части света.

Трудящиеся Франции лучше всего знают двух великих русских писателей: Толстого и Горького.

Но, если Толстой редко бывал доступен массам и как некий, нарочито суровый бог восседал на пьедестале, Горький близок им, и ему не приходится «снисходить» до них, он плоть от плоти этих масс, он сын нашей эпохи.

Толстой умер русским писателем, несмотря на мощь и широту своего всечеловеческого гения, а Горький живет как писатель советский.

Французский рабочий с гордостью считает Горького и близким себе писателем и одним из гениальных писателей мира. И он говорит себе: «Вот каковы мы, трудящиеся земли! Среди нас найдется еще не один Горький!»

А задавленный кризисом мелкий буржуа с вол-

нением думает: «Вот великий писатель, который весь отдался революции! И он остался ей верен. С каким жаром он ее защищает. Должно быть, у него есть на то серьезные основания. Надо пойти послушать Горького, когда он приедет в Париж».

И так встречаются перед залой Бюлье рабочий и буржуа в тот день, когда выступает там Горький.

Налетает полиция и без разбора избивает и рабочего и буржуа. Любовь парижского народа к Горькому, борцу за СССР и за дело мировой революции, защитнику культуры, выступившему против империалистической войны, закреплена кровью, которая пролита полицией, писателя Эррио, — эрудита Эррио, кандидата в члены французской Академии Эррио, главаря социалистов Эррио.

И все это происходит в Париже, в столице белой эмиграции, в Париже, где русская белогвардейщина под покровительством полиции Тардье может безнаказанно подстроить убийство президента Думера, в этом логовище гнилой и продажной русской интеллигенции, в двух шагах от трущоб Монпарнаса, где шарлатаны от литературы изо всех сил стараются очернить Максима Горького и все то, что он защищает и прославляет.

Сталкиваются два мира, две культуры. На удары полицейских дубинок демонстранты отвечают тем, что выламывают решетки.

И сейчас, когда упадок культуры становится все более и более характерным явлением нашего времени, Горький взывает к истинным творцам культуры — рабочим, и они откликаются на его призыв и его поддерживают. Горький взывает к интеллигенции, посвятившей свою мысль пролетариату, и убеждает ее уверовать в свои силы и изгнать «капитализм, который считает, что выдумал молоко, потому лишь, что он доит корову».

И Горький услышан. Общество революционных писателей и артистов в день юбилея Горького свидетельствует ему признательность всех трудящихся за то, что он указал путь истинной культуры.

Горький олицетворяет тип писателя нового времени, для которого писать — значит сражаться, тип писателя, вышедшего из рядов пролетариата. В борьбе выковывает он свое блестящее оружие — стиль и никогда не жертвует содержанием ради формы.

Перевод с французского М. Казас